

Наполеон — Александру, Москва 7 (20) сентября 1812:

«Государь, брат мой!

Узнав, что брат посла Вашего Императорского Величества в Касселе находится в Москве, я повелел привести его и некоторое время говорил с ним. Я поручил ему отправиться к Вашему Величеству и выразить вам мои чувства. Прекрасной и великолепной Москвы больше нет. Ростопчин приказал сжечь ее. Четыреста поджигателей были арестованы на месте преступления; все они заявили, что поджигали по приказанию сего губернатора и директора полиции: все они были расстреляны. По-видимому, пожар наконец прекратился. Три четверти домов сгорело, а то, что осталось, составляет лишь четвертую часть. Поступок этот отвратителен и не имел смысла. Может быть, он имел целью лишить меня вспомогательных средств? Но оные находились в погребах, коих огонь так и не достиг. Впрочем, к чему разрушать город, одно из прекраснейших в целом свете творений столетий, чтобы достигнуть таковой цели? Это сродни тому, что уже не раз обнаруживалосебя начиная со Смоленска, что лишило последнего достояния более нежели полмиллиона семейств. Пожарные насосы Москвы приведены были в негодность или увезены, часть оружия оказалась розданной шайке негодяев, и понадобилось несколько выстрелов из пушек по Кремлю, чтобы их разогнать. Самая человечность, благо и польза Вашего Величества, а также и таковые сего немалого города требовали, чтоб Москва была передана мне на сохранение, поелику российская армия оставила ее без прикрытия: там должно было оставить городское правление, должностных лиц и гражданскую гвардию. То, что было сделано дважды в Вене, затем в Берлине и Мадриде. Именно таким образом у нас поступили, когда в Милан вступил Суворов. Пожары служат оправданием грабежей, в которые вовлекаются и солдаты, оспаривая имущество у пламени. Если бы я мог только допустить, что подобное стало возможным вследствие повелений со стороны Вашего Величества, я не стал бы писать сие письмо; но я почитаю просто невозможным, чтобы, обладая такими нравственными правилами, таким сердцем и правдивостию мысли, вы могли одобрить таковое превышение власти, недостойное ни великого монарха, ни великой нации. В то же время, когда вывозились из Москвы пожарные насосы, там оставили сто пятьдесят полевых пушек, 60 000 новых ружей, 160 000 000 патронов.

Я вел войну с Вашим Величеством без всякого озлобления: простая записочка от вас прежде или же после имевшего места сражения (Наполеон имеет в виду сражение при Бородине. — С. И.), остановила бы мое движение, и в таковом случае я хотел бы отказаться от вступления в Москву. Если Ваше Величество хотя отчасти сохраняет прежние ко мне чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо...»